

К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**II. СВЯЗИ, КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (IV–I ТЫС. ДО Н. Э.)**

**CONNECTIONS, CONTACTS AND INTERACTIONS BETWEEN ANCIENT
CULTURES OF NORTHERN EURASIA AND CIVILIZATIONS OF THE EAST
DURING THE PALAEOMETAL PERIOD (4TH–1ST MIL. BC)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома II: А. В. Поляков, Е. С. Ткач (отв. редакторы), М. Т. Кашуба,
Л. Б. Кирчо, Е. А. Черлёнок, В. Я. Стёганцева, А. И. Климушина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

*Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский
(Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН,
председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв
(Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова
(ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе
(сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин
(ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка
(Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН);
д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет);
к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров
(ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов
(Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ);
к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев
(Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

*Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель);
к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН);
А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН);
Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН);
В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН);
И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей
и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций
Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося
археолога В. С. Бочкарёва. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 287 с.**

ISBN 978-5-907053-35-9

DOI 10.31600/978-5-907053-35-9

РАННИЙ МЕТАЛЛ ГОРНО-ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ГЕНЕЗИС, ТЕХНОЛОГИИ, СВЯЗИ¹

И. А. Спиридонов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-241-243

Ключевые слова: энеолит, горно-лесное Зауралье, металл, металлообработка.

Основу работы представляет немногочисленное собрание металлических предметов и иных свидетельств знакомства энеолитического населения горно-лесного Зауралья с традициями металлообработки. Подобные артефакты известны на 40 археологических памятников, большая часть которых многослойна и не всегда достаточно четко стратифицирована, что затрудняет их культурно-хронологическую атрибуцию. В первую очередь речь идет о невыразительных в типологическом плане орудиях и отходах плавки.

Рассматривая всю совокупность металлических предметов с территории горно-лесного Зауралья, относимых к эпохе энеолита, нельзя не обратить внимания на то, что столь ранний возраст (IV–III тыс. до н. э.) ряда артефактов выглядит, по опубликованным данным, не вполне обоснованным (Сериков 2006). Также на более позднее время бытования некоторых предметов указывает состав металла, содержащий повышенное количество Sn, что в данном регионе характерно для времени функционирования коптяковско-сейминского очага (Корочкова, Стефанов 2010; 2013). Среди металлических артефактов, чей энеолитический возраст так или иначе можно считать подтвержденным, прослеживаются определенные особенности, сближающие данные предметы с орудиями древнеямного очага. При этом речь идет именно о передаче готовых предметов. Вместе с тем можно предполагать, что орудия поступали весьма ограничено, на что указывает соотношение имеющих в распоряжении исследователей медных артефактов и обследованных памятников, а их известно не менее 300 (Чаиркина 2005: 7–8). Это в свою очередь ставит под вопрос тезис о широком применении металлических инструментов. Также необходимо отметить, что трансляция навыков и умений обработки металла в горно-лесную зону в это время практически не происходит. Наличие в материалах поселений Шувакиш I, Аргазы VII, Малый Липовый X и др. черепков, подвергшихся высокотемпературному воздействию, может говорить лишь о попытках местного населения воспроизвести процедуру плавки. Однако в связи с отсутствием иных свидетельств, являющихся неотъемлемой частью процесса металлообработки, можно предполагать, что попытки такого рода в большинстве своем не достигли результата.

Можно предположить, что в эпоху энеолита в регионе складывается ситуация, когда отдельные группы населения, не обладая достаточными знаниями, пробуют овладеть новыми технологиями. Речь здесь идет не об экспериментах, направленных на выработку самостоятельной схемы процесса плавки металла, а скорее о стремлении копировать чужую модель. Тем не менее, отдельные опыты оказались успешны, о чем свидетельствуют небольшие металлические изделия, обнаруженные в культурном слое памятников Суртанды VI, VIII, а также капли меди, прикипевшие к черепкам липчинской посуды. Возможно, в данном случае определенную роль сыграли более тесные связи липчинского и суртандинского населения с носителями ямных традиций, что подтверждает материал погр. 7 кург. 3 могильника Ишкиновка I (Ткачёв 2011: 224) и стоянки Бурли II (Мосин 1996: 55–56).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40011 «Урал и Западная Сибирь в археологической ретроспективе: важнейшие открытия, ритмы, феномены и парадоксы развития».

Подводя итоги, можно отметить, что прослеживается явная типологическая близость металлических предметов орудиям древнейшей культуры (Моргунова 2011: 198), химический состав орудий также коррелирует с ямным металлом. Крайне мало отходов металлообработки; отсутствуют литейные формы. Сохраняется высокий уровень обработки камня, отсылающий к технике и традициям неолита (Матюшин 1982: 287). Все это позволяет говорить о том, что появляющиеся на Урале и в Зауралье медные изделия не смогли вытеснить из эксплуатации каменные орудия, а технологии металлообработки не получили здесь широкого распространения и дальнейшего развития. Такая ситуация вполне типична для культур, локализованных на периферии металлургической провинции и только начинающих знакомство с металлом. Большинство медных предметов в это время имеют импортное происхождение. В свою очередь первые опыты металлопроизводства не приводят к сколько-нибудь значимым достижениям (Черных 1978; 2008; 2009: 244–259; Корочкова, Спиридонов 2015: 96–97).

Литература

- Корочкова О. Н., Спиридонов И. А. 2015. О судьбах инноваций в культурах присваивающего мира Урала и Западной Сибири // Уральский исторический вестник. № 3 (48). С. 96–105.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И. 2010. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. № 4. С. 120–129.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И. 2013. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. № 1. С. 86–97.
- Матюшин Г. Н. 1982. Энеолит Южного Урала. М.
- Моргунова Н. Л. 2011. Энеолит Волго-Уральского междуречья. Оренбург.
- Мосин В. С. 1996. Стоянка Бурли II и некоторые вопросы энеолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск. С. 48–61.
- Сериков Ю. Б. 2006. Изделия из цветных металлов на территории Тагильского Зауралья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара. С. 366–374.
- Ткачев В. В. 2011. Ишкининский археологический микрорайон эпохи бронзы: структура, периодизация, хронология // КСИА. Вып. 225. С. 220–230.
- Чаиркина Н. М. 2005. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург.
- Черных Е. Н. 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4. С. 53–82.
- Черных Е. Н. 2008. Формирование Евразийского степного пояса скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // АЭАЕ. № 3 (35). С. 36–53.
- Черных Е. Н. 2009. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.

EARLY METAL FROM THE MOUNTAIN-FOREST TRANS-URALS: GENESIS, TECHNOLOGIES, COMMUNICATIONS

Ivan A. Spiridonov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Keywords: Eneolithic, mountain-forest Trans-Urals, metal, metallurgy.

Analysis of metal objects of the Eneolithic period (4th–3rd mill. BC) from the territory of the mountain-forest and forest-steppe Trans-Urals distinguished tools typologically similar to those of the Yamnaya (Pit-Grave) metalworking. These items possibly were of imported origin. However, it is noticeable that these tools were brought here on a very limited scale as is indicated by comparison of the quantity of copper artifacts and the number of the sites studied.

At the same time, the transmission of skills and abilities of metal processing to the mountain-forest zone practically did not occur. At any rate, there is no evidence available of such trans-cultural communications. All this, together with the preservation of a high level of stone processing, suggests that the copper objects which appeared in the Urals and Trans-Urals in the 4th–3rd mill. BC, were not able to oust stone tools from the use. Metalworking technologies were not widely spread here and received no further development.

КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЯ МАЛАЯ СОПКА РУБЕЖА СРЕДНЕГО — ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

А. И. Юдин*, Ю. Е. Кочетков**

* ООО «ЛРТ-Наследие», Саратов, Россия; ** АНО «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия», Саратов, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-243-246

Ключевые слова: эпоха бронзы, бабинская культура, ритуальный комплекс, культовое место.

Памятник-святилище эпохи бронзы Малая Сопка (Октябрьский р-н Ростовской обл.), первоначально интерпретированный как поселение, расположен на левом берегу р. Аюта (бассейн Дона). В 2017 г. на нем было раскопано 10 050 м². Находки относятся к бабинской культуре среднего бронзового века, скорее к ее позднему этапу. На всех известных исследованных поселениях этой культуры в регионе обнаружены остатки жилищ, очаги, хозяйственные ямы и т. п. На Малой Сопке не найдены явные бытовые и хозяйственные комплексы, но исследовано 10 ритуальных комплексов в виде системы фигурных рвов (рис. 1, 1, 2) и 12 отдельных объектов (описание комплексов — см. табл. 1). Объекты представлены каменными плитками разных размеров, залегавшими по отдельности или совместно по 2–4, и развалами сосудов.

Обращает на себя внимание малое количество керамики и костей на памятнике, а также слабая насыщенность слоя находками по сравнению с культурными слоями на поселениях эпохи бронзы региона. Редкие находки залегали не равномерно, а в виде отдельных скоплений, развалов сосудов или их придонных частей. Именно подобное залегание керамики является одним из признаков культового места (см.: Труфанов 1983: 66). Большая часть ритуальных комплексов в виде системы рвов сооружена в слое грунта и археологически полностью не фиксируется.

Святилища и культовые места обычно включают комплекс почитаемых объектов с едиными территориальными границами, на которых совершались ритуальные действия. Комплекс состоит из иконографического объекта (петроглиф, изваяние на могильнике, фетиш в жилище) и жертвенника с жертвоприношениями (Тиваненко 1989: 5). В случае с памятником Малая Сопка мы имеем дело с культовым местонахождением, где жертвенниками можно считать каменные плиты, жертвоприношениями — скопления керамики и развалы сосудов, а функции отсутствующих иконографических объектов, вероятно, выполняли комплексы рвов и ровиков.

Единственной близкой аналогией ритуальным комплексам Малой Сопки как в территориальном, так и в хронологическом отношении является поселение Журавка 1 (юг Воронежской обл.), где также обнаружены пять рвов. Примечательно, что совпадают не только размеры рвов (ширина, диаметр), но и их форма: круглый, подквадратный, овальный. Автор раскопок Журавки 1 связывает сооружение рвов с населением расположенного неподалеку поселения срубной культуры и предполагает сакральный характер этих рвов